

Оценивая монографию В. Н. Белицер в целом, следует отметить, что этот капитальный труд открывает новую страницу в изучении этнографии и этнической истории мордовского народа. Исследование В. Н. Белицер будет полезно не только этнографам, но и археологам, языковедам, историкам, занимающимся изучением сложной истории многонационального Поволжья.

Е. П. Бусыгин, А. Х. Халиков

Ю. А. Сем. **Нанайцы. Материальная культура** (вторая половина XIX — середина XX в.). Этнографические очерки. Владивосток, 1973, 313 стр.

Нанайцы (гольды) — самая многочисленная народность среди малых народов Советского Дальнего Востока. Естественно, что их жизнь и быт издавна привлекали внимание исследователей. В этнографической литературе имеется немало работ, посвященных нанайцам¹, но среди них нет ни одной, в которой с достаточной полнотой характеризовался бы вклад, внесенный этой маленькой народностью в развитие общечеловеческой культуры.

И вот, наконец, такая работа появилась. Автор ее — известный дальневосточный этнограф Ю. А. Сем, собравший и обработавший уникальный материал, посвященный материальной и духовной культуре, а также социальной истории не только нанайцев, но и других малых народов южной части Советского Дальнего Востока.

В рецензируемой книге, являющейся по замыслу автора лишь первой частью многотомного труда, на широком историческом фоне всесторонне исследуется материальная культура нанайцев со второй половины XIX в. до наших дней. Но фактически рамки монографии значительно шире. По словам ее автора, «для лучшего понимания отдельных сторон материальной культуры нанайцев в их историческом развитии даются экскурсы в более ранние эпохи, вплоть до глубокой древности» (стр. 5). Богатейший материал, находящийся в руках Ю. А. Сема, позволил ему сравнивать материальную культуру нанайцев с материальной культурой соседних или родственных им народностей и племен, с которыми нанайцы имели многовековые экономические и культурные связи. Благодаря такому широкому подходу к исследуемой теме автор сумел глубоко рассмотреть все поднятые им проблемы, рассмотреть культуру нанайцев в историческом развитии, проследить их этнокультурные связи с соседними племенами и народами. Исследователя интересуют все аспекты материальной культуры изучаемой народности — поселения и разного назначения постройки, пища и утварь, пути сообщения и средства передвижения, одежда и украшения.

Первую главу Ю. А. Сем посвящает анализу работ своих предшественников, вторую — характеристике естественно-географических условий, в которых живут нанайцы.

В главах III—IV обстоятельно рассмотрены различные аспекты материальной культуры нанайцев, причем каждая глава насыщена ценными сведениями, многие из которых вводятся в научный оборот впервые.

Так, описывая жилища нанайцев, Ю. А. Сем указывает на черты, роднящие их с жилищами ульчей, нивхов и других народностей Дальнего Востока. Вместе с тем, он отмечает, что у нанайцев землянки имели в плане форму прямоугольника, подобную чжурчжэньским, а у нивхов — круглую, овальную. Приход русских на Амур и Уссури ознаменовался появлением у нанайцев жилищ со стенами, сложенными из бревен. Переход от зимника национальной конструкции к срубным постройкам русского типа не был, по мысли автора, простым механическим заимствованием. Нанайцы сумели и в срубные постройки внести немало национального своеобразия, что отразилось в форме оконных проемов, в орнаменте карнизных досок над окнами, в особой канавой системе отопления жилища и в некоторых деталях интерьера. Раньше считалось, что канавая система отопления была заимствована народами Дальнего Востока у китайцев. Ю. А. Сем убедительно доказывает, что эта система отопления существовала на Амуре, в Приморье еще у неолитических племен, живших в условиях холодной зимы. Этот вывод его основывается на археологических раскопках, производившихся А. П. Окладниковым в 1961—1963 гг. на месте современного нанайского селения Кондон (стр. 37).

¹ И. А. Лопатин, Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического исследования, «Записки Общества изучения Амурского края», т. XVII, Владивосток, 1922; Г. Д. Куренков, Материалы по этнографии гольдов, вып. 1. Материальная культура. Опыт общего обзора наблюдаемых явлений, введение к детальному их описанию, Верхнеудинск, 1918; В. Диосеги, Берестовая посуда у манджуро-тунгусов и методы ее изготовления, «A Néprajzi Múzeum Füzetei», № 11, Budapest, 1950; I. A. Lopatin, The natives of the Amur Region, «El Palacio», vol. XLVI, № 6, New Mexico, 1939; O. Lattimore, The Gold tribe «Fishkin Tatars» of Lower Sungari, «Memoirs of the American Anthropological Association», 1933, № 40; Лин Чунь-шэн, Сунхуацзян сяюды хэчжэцу, т. I, Нанкин, 1934.

Жилища нанайцев автор подразделяет на постоянные и временные. Известны им были подземные, полуподземные и наземные жилища. По технике сооружения жилища были каркасными, позже им на смену пришли срубные. Автор делает важный вывод: «Столь широкое многообразие форм и типов жилищ, хозяйственных и промысловых построек было вызвано, с одной стороны, сложным этническим составом компонентов, вошедших в состав нанайцев, во-вторых, взаимовлиянием культур народов Амура с народами тайги и более южных районов» (стр. 103). Описывая современные жилища нанайцев, автор подчеркивает, что «процесс оседания нанайцев, вызванный социалистическим строительством, привел к коренным изменениям в постройках, планировке селений, внутреннем убранстве; созданы благоприятные условия для здорового быта, культурного подъема народности» (стр. 104).

В этой же главе Ю. А. Сем подробно описывает и хозяйственные постройки нанайцев: амбары, сушила, вешала, шалаши, коровники, конюшни, промысловые постройки, а также ритуальные сооружения.

В главе IV «Пища и утварь» автор приводит интересные данные о традиционных блюдах нанайцев и различной утвари, изготовлявшейся из глины, фарфора, металла, дерева и бересты. Впервые в научный оборот вводятся сведения о пяти способах разделки кеты, десяти вариантах приготовления юколы, разновидностях повседневной и ритуальной пищи. Ю. А. Сем не только подробно описывает посуду и утварь нанайцев, но дает художественный анализ бытовых предметов. И это не случайно. Многие предметы нанайского быта одновременно являются и замечательными произведениями народного ремесла. Нанайские мастера тонко чувствовали материал, умели максимально использовать его естественные декоративные качества, хорошо владели искусством орнаментики.

Ценный вклад в науку — глава V «Пути сообщения, способы и средства передвижения», в которой Ю. А. Сем описывает разнообразие водные средства передвижения, созданные многими поколениями отважных рыбаков. Всю силу таланта, умение и навыки гольд вкладывал в изготовление лодки, которая в народной мифологии мыслилась живым существом. Как пишет автор, испокон веков рыбакам были известны плоты, долбленки, лодки каркасные и составные, а затем, с приходом русских, и лодки килевые.

Не меньшее значение в жизни нанайцев имели сухопутные средства передвижения — лыжи и нарты, а с конца XVIII в. — лошадь и вместе с ней — сани и телега. Рассмотренные средства сообщения свидетельствуют о наличии по крайней мере двух пластов в материальной культуре нанайцев — дотунгусского и тунгусского.

Как известно, до настоящего времени нет специальных исследований об одежде и украшениях нанайцев. Поэтому особый интерес представляет последняя, шестая глава книги, посвященная этому вопросу. Впервые в этнографической литературе, посвященной нанайцам, автор описывает разновидности женской традиционной одежды. «Материалы, собранные нами в полевых условиях, — пишет Ю. А. Сем, — а также свидетельства путешественников XIX — начала XX в. позволяют придти к выводу, что женская одежда так же, как и мужская, подразделяется на повседневную, праздничную, погребальную и ритуальную. Каждая из них отличается материалом, из которого она шилась, покроем, украшением» (стр. 212).

В этой главе автор подробно анализирует комплекс мужских и женских украшений, показывает отличие прически нанайцев от причесок других народностей Амурского бассейна, дает описание одежды шаманов и должностных лиц. Автор делает интересный вывод о том, что «генетически одежда нанайцев имеет два больших этнокультурных пласта — тунгусский и аборигенного населения Приамурья, Приморья и Северной Маньчжурии» (стр. 248).

Большое достоинство рецензируемой книги — научный аппарат (указатели — именной, этнографический и предметный) и этнографический словарь нанайцев, содержащий свыше 1200 терминов (стр. 257—294), большинство которых вводится в научный оборот впервые. К сожалению, автор не указал, какие термины записаны им, а какие заимствованы из других источников.

Однако книга не лишена и некоторых недостатков. Автору следовало, на наш взгляд, более подробно и обстоятельно осветить нанайские ремесла, тем более что у него в руках уникальнейший материал по этому предмету.

Неприятное впечатление оставляют некоторые иллюстрации, выполненные недостаточно квалифицированно (стр. 15, 21, 75, 93, 159, 183, 195 и др.). Хотелось бы знать, какие иллюстрации сделаны самим автором, а какие заимствованы и откуда. Может быть, к иллюстрациям следовало бы дать более развернутые подписи.

Однако указанные пробелы незначительны и не умаляют бесспорных достоинств рецензируемой работы. Этнографическая литература по народам СССР пополнилась ценным исследованием, имеющим большое общественное звучание. Приходится сожалеть только, что из-за малого тиража (1500 экз.) книга не сможет быть прочитана каждым, кого интересуют проблемы культуры и быта малых народностей Советского Дальнего Востока.

Н. В. Качешков